

Таёжная дева

*Сказка,
рассказанная
Темиром*

Снаружи слышались оживленные голоса, и Ойгор* выглянул из своего небольшого, крытого корой аила, скорее напоминавшего шалаш. Охотники толпились на улице, обступив кого-то. Ойгору отсюда не было видно, что их так заинтересовало. Охваченный любопытством, он вышел из аила и поковылял к сборищу так быстро, как только позволяли непослушные, неестественно выгнутые ноги. Сегодня болели они нестерпимо — на смену погоды.

Еще в раннем детстве Ойгор переболел кочевой болезнью** и чудом остался жив. Вот только ноги его не выросли до нормальной длины. Кости на них стали толстыми, узловатыми, а суставы — вывернутыми. Несмотря на такое увечье, роста Ойгор был среднего. Ходил он с трудом, а доставшуюся от отца лошадь приучил опускаться на колени, иначе просто не удалось бы сесть верхом.

Охотничье зимовье представляло собой единственную улицу, с одной стороны которой неровной линией пристроились разномастные аилы, а с другой тянулись жерди коновязи. Одним концом стойбище почти тонуло в Тайге, за другим

* Ойгор — мудрый (*южноалт.*).

** Доказано, что алтайские кочевники страдали различными заболеваниями опорно-двигательного аппарата, причиной которых являлись суровый климат, тяжелые условия жизни и постоянное нахождение в мягком седле без стремян. Здесь: остеомиелит — инфекционное воспаление всех составляющих частей костной ткани, вызванное чаще всего стафилококком. Среди последствий: дефекты и деформации костей, неподвижность суставов.

раскинулось небольшое заснеженное поле, летом пораставшее травой и цветами высотой по пояс взрослому мужчине. С этого края и жил Ойгор. В полупустом стойбище селились те охотники, что не уходили в Тайгу на всю зиму. Те, кого не влекли одинокое существование и полное единение с природой. Но даже живущие здесь порой пропадали на промысле по нескольку дней.

Пока Ойгор доковылял, собрались уже все охотники, кто не ушел сегодня в Тайгу. Они смеялись, показывали на что-то пальцами и отпускали грязные шутки.

В центре толпы стоял лучший охотник на всем Пазырыке — и полная противоположность Ойгору: высокий, сильный и невероятно удачливый. Его плечи, руки и грудь сплошь покрывали рисунки, изображающие самых разных хищников, терзающих добычу. То была его суть.

Рядом с ним с ноги на ногу переминалась босая девушка, кутавшаяся в огромную бурую шубу, отороченную дорогим собольим мехом. Ярко-рыжие волосы незнакомки висели грязными нечесаными прядями. Она пугливо, подобно дикому зверьку, оглядывала собравшихся и, кажется, дала бы деру, если бы Охотник не сжимал ее плечо капканной хваткой.

— Вот так дичь! — потешались остальные. — Это в каких же краях такие водятся? Видать, не те мы места выбираем...

— А много ли меху с нее будет?

Последний вопрос вызвал очередной раскат дружного гогота.

— А что, пусть девчонка с нами жить остается, — многозначительно, но осторожно предложил кто-то. — Поделишься?

— Нет, — отрезал Охотник, улыбаясь ровными белыми зубами. — Женщинам тут нечего делать. Перессоримся только.

— Верно, — поддакнул один из бывалых стариков. — Тайга нам мать и жена, да и семьи всех в стане ждут. Куда же денем ее? Нездешняя она. Говорить-то умеет?

— Умеет, наверное, — ответил Охотник. — Но вряд ли по-нашему. Меня не понимает, а сама все молчит. Хочу вот каану подарить диковинку, когда в стан вернемся.

Он хитро обвел острым взглядом толпу.

— Разве что выкупит ее кто у меня... Только чтоб потом дома в стане оставлять. Сюда, на зимовье, не таскать.

— Сколько просишь?

— Торг, — сказал Охотник.

Торговались вяло, нехотя. Почти все были люди женатые и, куда девать девчонку, не могли придумать. Не к жене и ребятишкам же привести. Таёжная дева осмелела и смотрела увереннее, глаза ее отливали то хвойной зеленью, то скорлупой кедрового ореха.

— Я! — выкрикнул тут Ойгор, стоящий позади всех. — Я ее куплю.

Собравшиеся захохотали пуще прежнего.

— Ты-то что с ней делать станешь?

— Гляди — тихоня, а все туда же.

— Ш-ш-ш, — оборвал их Охотник. — Мне больше интересно, чем он станет платить.

Ойгор прибился к охотникам только потому, что отец его был из них. Он сызмальства брал с собой Ойгора зимовать в Тайгу, когда по снегам пушной зверь надевает свои лучшие шубы. А потом сгинул отец. Тайга взяла его. И Ойгор не стал искать другого дела. Он тогда был застенчив и не мог попросить чужих людей обучить его ремеслу, что давалось бы легче охоты. Поэтому взял отцовы снегоступы, лук, силки и лошадь и на следующую зиму присоединился к остальным.

Он не мог охотиться так много, как прочие, да и удача с ним рядом не шагала. Поэтому и задал Охотник такой вопрос, зная, как беден Ойгор.

— У меня есть шкурка серебряной лисы, — несмело ответил Ойгор.

Народ восторженно ахнул.

— Да ну? Врешь! — Охотник удивленно поднял бровь. — Ушли они из этих краев. За всю зиму ни одной никто не добыл, а у тебя есть?

— Была бы, так похвастался! — крикнули из толпы.

— Я никогда добычей не хвалюсь, — просто сказал Ойгор.

— Принеси, покажи, — настаивал Охотник, обняв товар за плечи. — Небось, дохлую подобрал?

Девушка злобно зашипела, пытаясь отстраниться.

— Пойдем вместе. Заберешь плату и оставишь мне девчонку, — попросил Ойгор. — Ты же знаешь, мне трудно ходить.

— Я товар предлагаю, — ухмыльнулся Охотник. — За платой бегать — поищи кого другого. А у меня покупатель найдется.

Ойгор волновался. Ему показалось, путь до аила и обратно отнял больше времени, чем должен был. Вдруг Охотник передумает? Но все ждали его. Очень уж хотели посмотреть, чем дело кончится.

К его возвращению зубоскалы уже нашли новую забаву. Кто-нибудь протягивал к девушке руку, будто намереваясь схватить, а она рычала, иногда даже клацала зубами, едва не вонзая их в плоть обидчиков. У Ойгора больно кольнуло в груди. Как можно так потешаться над живым человеком, словно это зверь какой?

Он кашлянул, привлекая к себе внимание, и развернул блестящую серебристую шкурку. Охотники завистливо ахнули, кто и присвистнул. мех был хорош — густой и мягкий. Отлично выделанный, он играл и переливался на солнце. Что-что, а выделывать меха у Ойгора всегда получалось.

Охотник пощупал шкурку, даже понюхал ее, сосредоточенно сведя брови.

— Дело, — наконец сказал он. — Забирай дичь. Да только шуба-то на ней моя. Пусть снимает.

Он практически вытряхнул девушку из теплой шубы, и она едва не потеряла равновесие. Ойгор и до этого обратил внимание на ее голые по колено ноги, но и подумать не мог, что под одеждой

с чужого плеча она полностью обнаженная. Он отвел взгляд, быстро скинул собственную залатанную шубенку и протянул девушке. Неизвестно, что сегодня взбудоражило народ больше: вид редкого драгоценного меха или этой странной чужеземки.

Ойгор поманил девушку движением руки, не пытаясь схватить.

— К коновязи ее привяжи на ночь, не то сбежит, — насмешливо посоветовал Охотник.

Отсмеявшись вдогонку удаляющейся странной паре, все начали расходиться. Девушка шла чуть впереди Ойгора. Она не пробовала сбежать, лишь изредка оборачивалась, будто взглядом спрашивая дорогу. Ойгор же почти жалел о безрассудном поступке и не понимал, что его на такое подвигло. Он собирался обменять лисью шкурку очень выгодно. За нее могли дать приличный пучок стрел с железными наконечниками или целую охапку обычных, деревянных. А на них Ойгор постепенно выменивал бы то, что понадобится для жизни. Он бы все лето прожил на одну такую шкурку — много ли ему, одинокому, надо? А теперь почти нечего будет продать в стане. Вот глупец!

Ойгор окликнул девушку, указывая на свой аил. Она покорно вошла, тут же замерев на входе и восторженно оглядывая тесное жилище.

— Ты, видно, в лесу на дереве жила, — усмехнулся Ойгор. — Смотришь, будто к каану в гости забрела. Проходи же.

Он указал девушке на место у очага, но она боязливо глянула на огонь и уселась у стены прямо на постель Ойгора. По ее вискам текли струйки пота, и дикарка сбросила шубу. Собственная нота ничуть не смущала ее. Ойгор снова вежливо отвернулся. Он поставил на горячие камни очага глиняный кувшин и принес немного снега. Растопив его в кувшине и дождавшись, когда вода согреется, Ойгор подал девушке обрывок тряпки, подзывая ее поближе и показывая жестами, что так она сможет помыться. Девушка сообразила и, смочив тряпку, принялась стирать грязь с тела.

В это время Ойгор порылся в вещах и извлек перевязанный веревкой сверток. Раньше он понятия не имел, зачем сохранил один из нарядов покойной матери, когда уходящим на небесные пастбища принято отдавать все их добро. А вещи эти Ойгор возил на зимовье как память. Не оставлять же их гнить в сыром промерзшем аиле, где очаг умирал на зиму, потому что некому было его накормить. Вот одежда и пригодилась.

Любопытство пересилило сдержанность. Дожидаясь, пока девушка закончит с мытьем, Ойгор украдкой рассматривал ее. Золотистую кожу незнакомки на плечах и груди покрывали веснушки. Он никогда еще не видел, чтобы у женщины так играли мышцы, хотя многие в большом стане преспокойно выполняли и мужскую работу. Она наверняка сильная и выносливая. Какую жизнь ей приходилось вести прежде? Не убьет ли она своего спасителя во сне? На бедре и пояснице

виднелось несколько тонких шрамов, как от когтей животных. Точнее, одного и того же животного, насколько Ойгор в этом разбирался.

— Одежда, — сказал он, протягивая сверток и отмечая, что девушка даже волосы умудрилась вымыть таким скудным количеством воды.

— Не понимаю, — ответила девушка.

Видно, этим словам научилась она у Охотника. Не сделал ли он ей дурного?

— Одежда, — повторил Ойгор, подергав себя за штаны.

Девушка радостно закивала, принимая подарок. Ойгор присел на корточки у очага, задумчиво помешивая угли железным прутом. Он слышал, как за его спиной шуршит ткань. Подождав немного, Ойгор обернулся в надежде, что гостья закончила одеваться, и рассмеялся в голос, да так, что брызнули слезы. Девушка озадаченно глянула на него, пытаясь натянуть войлочный чулок на руку. С остальными предметами облачения она так и не разобралась.

Вытирая слезы, Ойгор подошел к ней и принялся одевать как ребенка. Подвязывая красными шнурками высокие чулки, он старался не думать, что делает, и не касаться бедер девушки. Растянул перед ней широкую полосатую юбку и заставил шагнуть внутрь. Застегнул ремень на талии и сильно подвернул верх, чтобы сделать длину подходящей. С рубахой девушка сладила сама. Ойгор улыбнулся, оглядывая творение своих рук. Девушка

и так была очень хорошенькая, а привычная его глазу одежда сделала ее только краше.

— Прекрасно получилось, — заверил Ойгор. — Настоящая пазырыкская женщина. Жаль, у меня нет зеркала, чтобы ты погляделась.

Но девушка, похоже, не была так довольна. Она одернула юбку, словно та мешала, и указала пальцем на штаны Ойгора.

— Одежда, м? — спросила она.

— Что? — не понял Ойгор.

— Одежда! — упорствовала девушка, теперь дернув непонятливого Ойгора за штаны.

— А! — сообразил он. — Это штаны. У тебя юбка. Мужчина, — он указал на себя, — носит штаны. Женщина, — теперь на нее, — носит юбку.

Девушка нахмурилась. Ей явно было непривычно и неудобно.

— Очень красиво, — повторил Ойгор, стараясь изобразить на лице самое неподдельное восхищение.

Девушка подумала и кивнула. Ойгор снова порылся в вещах и протянул ей частый роговой гребень. Она непонимающе повертела его в руках и вернула. Ойгор терпеливо показал, как расчесывает собственные волосы и снова заплетает в косу, потом осторожно коснулся гребнем влажных прядей девушки, которые уже промочили насквозь верх рубахи. Она напряглась, скосив на Ойгора глаза и готовясь пустить в дело ногти, а может, и зубы.

«Э, нет, — подумал тот. — Не тронул ее Охотник. Были бы на нем отметины. А так только рисунки да старые шрамы».

Тем временем девушка обмякла и даже прикрыла глаза, позволив ухаживать за собой.

— Ты когда-нибудь расчесывалась вообще? — ворчал Ойгор, продираясь гребнем сквозь рыжие колтуны. — Ну, пятерней хотя бы...

Он обратил внимание, что цвет волос девушки не полностью рыжий. Попадались и темно-бурые, и светлые медовые прядки. Он заплел расчесанные волосы и потрепал девушку по руке. Она медленно открыла глаза, устремив на Ойгора туманный взгляд.

— Устала? — ласково спросил Ойгор. — Вот здесь будешь спать, на моей постели. А я как-нибудь устроюсь. Погоди, последнее спрошу. Звать-то тебя как?

Разумеется, девушка не понимала.

— Ойгор, — сказал он, прикладывая ладонь к своей груди, а потом указывая на девушку.

— Ойгор, мужчина, — повторила та и ткнула себя пальцем в грудь, видимо, вспомнив его объяснения насчет различий в одежде. — Женщина!

Ойгор отмахнулся, улыбаясь, и помог девушке улечься. В ближайшее время нужно решить ее судьбу, а то ему в собственном доме придется спать на холодном полу. Девушка потянулась под шерстяным одеялом, потом свернулась клубочком, накрывшись так, что наружу торчала только ее удивленно-счастливая мордашка.

[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

